

имной дружеской связи, для подготовленія внутренню сильныхъ работниковъ

Движенія, для плодотворнаго служенія Движенію и Церкви.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

Къ вопросу о положеніи русской церкви*)

Молчаніе «Вѣстника» по одному изъ самыхъ болѣзненныхъ вопросовъ, которыми мучится сейчасъ русское православное общество — въ Россіи и за рубежомъ — могло удивлять нашихъ читателей. Объясненіе — въ самой трудности темы, особенно въ условіяхъ нашей разобщенности отъ Россіи. Эти трудности таковы, что даже въ близкомъ и тѣсномъ редакціонномъ кругу «Вѣстника» не могло быть достигнуто единомысліе. Вотъ почему мы воздержались отъ редакціонныхъ статей по самымъ злободневнымъ вопросамъ, касающимся русской церкви. И сейчасъ мы можемъ подойти къ нимъ въ порядкѣ выраженія не общаго, а личнаго мнѣнія. Не претендуя на исчерпывающее освѣщеніе вопроса, мы лишь открываемъ обмѣнъ мнѣній въ средѣ Движенія.

1.

Спорнымъ и труднымъ для пониманія является, собственно, не положеніе русской церкви предъ лицомъ государства, предъ лицомъ враговъ, но путь церковнаго водительства, политика ея верховныхъ іерарховъ. Правда, сама эта политика можетъ уясниться лишь для того, кто отчетливо представляетъ себѣ всю сложность русской жизни. Здѣсь, въ эмиграціи, это не легко, это требуетъ внимательнаго изученія матеріаловъ, постояннаго пересмотра предвзятыхъ взглядовъ. Трудно представить себѣ конкретно ту обстановку полуполегальности, въ которой живетъ церковь. Храмы откры-

ты, но храмы взрываются динамитомъ. Епископы и священники въ торжественныхъ облаченіяхъ совершаютъ свое служеніе у алтаря, и они же тысячами ссылаются въ Соловки и Сибирь за это дозволенное закономъ, открыто совершаемое служеніе. Конституція и декреты объявляютъ свободу совѣсти, но открытое исповѣданіе себя христіаниномъ для большинства означаетъ потерю работы, голодъ, гражданскую смерть.

Понять это трудно, но возможно. Даже въ матеріалахъ, публикуемыхъ нашимъ «Вѣстникомъ», можно найти краски для этой фантастической картины. Мы не будемъ къ ней возвращаться. Подчеркнемъ лишь ея пестроту, смущающую и тревожную для совѣсти, которая жаждетъ опредѣленности. Въ одномъ отношеніи эта пестрота насъ, въ отличіе отъ большинства иностранцевъ, не можетъ ввести въ заблужденіе. Мы знаемъ, что въ Россіи преслѣдуютъ Церковь, христіанство, религію вообще, что тысячи людей уже пролили свою кровь за Христа, что не будетъ преувеличеніемъ, а точнымъ выраженіемъ дѣйствительности называть тотъ режимъ, въ которомъ живетъ русская церковь, режимомъ гоненій.

2.

Всякій разъ, когда въ мірѣ возобновляется гоненіе на Христа и Его Церковь, мысль возвращается къ временамъ первыхъ мучениковъ, чтобы тамъ искать уроковъ и назиданія. Два факта проходятъ красной чертой сквозь трагическую и славную исторію этихъ столѣтій: 1) Церковь не одобряетъ добровольнаго искупленія смерти, вызова гонителямъ, доно-

*) Печатается въ дискуссионномъ порядкѣ.

совь на себя (въ предвѣдѣніи челоуѣческой слабости и возможнаго отступничества передь казнью; 2) Церковь очень строго и широко толкуеть самое понятие отступничества. Отлученію подлежатъ не только воскурившіе ѳиміамъ передь идоломъ (статуей императора), но и лица, получившіе за деньги ложное удостовѣреніе въ этомъ актѣ, котораго они не совершали (*libellatici*), и лица, выдавшія, по требованію властей, священныя книги (*traditores*). Исторія говоритъ намъ о томъ, что и въ тѣ героическія времена пламенной вѣры отступничество въ эпоху гоненій бывало массовымъ явленіемъ. Держалось стойко лишь меньшинство, бѣжавшее, укрывавшееся или въ тиши ожидавшее своего часа. И среди этого меньшинства мученичество было единственнымъ, исключительнымъ явленіемъ. Это объясняетъ общее благоговѣйное почитаніе мучениковъ, съ самаго момента ихъ славной кончины, а часто даже и при жизни. Съ прекращеніемъ гоненія начинается возвратъ въ Церковь падшихъ и слабыхъ, которые принимаются черезъ публичное покаянiе.

Русская церковь дала Христу тысячи мучениковъ, особенно въ первые годы революціи. Гоненія воспламенили вѣру и ревность избраннаго меньшинства. Давно русская церковь не знала такого цвѣтенія святости, какъ въ наши дни. Мы всѣ съ любовью и надеждой взираемъ на чистую кровь новыхъ мучениковъ, это «сѣмя Церкви», по слову древняго отца.

И однако, при сравненіи нашей эпохи съ ранне-христіанской, не можетъ не поражать одинъ фактъ: крайняя и всеобщая терпимость по отношенію къ отступничеству. Если бы къ современной Россіи примѣнить древнюю строгость, мало кто могъ бы считать себя членомъ Церкви. Въ Россіи не требуютъ воскуренія ѳиміама, но требуютъ на каждомъ шагу отреченія отъ Бога. Отъ учителя — атеи-

стической пропаганды въ школѣ, отъ артиста и художника участія въ безбожныхъ спектакляхъ, изданіяхъ, плакатахъ и проч., отъ всѣхъ совѣтскихъ служащихъ и рабочихъ — участія въ процессіяхъ подь знаменами съ кощунственными и анти-христіанскими лозунгами. Наконецъ, почти каждый служащій и рабочий долженъ быть членомъ профессиональнаго союза и на его профсоюзной книжкѣ написано, что онъ входитъ въ составъ Ш-го Интернаціонала, принципиально - атеистическая доктрина котораго всѣмъ извѣстна. Съ точки зрѣнія древней Церкви, почти всѣ православные граждане СССР — *libellatici*, а многіе и *traditores* (почти всѣ священнослужители) выдавшіе врагамъ церковныя святыни. Удивительно не то, что масса людей, подь угрозой голодной смерти, совершаетъ кощунственные акты, но то, что зачастую совершаютъ ихъ вѣрующіе, церковные люди, которые и не помышляютъ хотя бы временно выйти изъ состава церковнаго общества или искупить свое публичное отступничество публичнымъ покаянiемъ. И если мы склонны извинить несчастныхъ невольныхъ демонстрантовъ, то уже съ ужасомъ думаемъ о профессорахъ и педагогахъ, которые ходятъ въ церковь и читаютъ материалистическія и атеистическія лекціи, или о набожныхъ актерахъ, которые на подмосткахъ глумятся надъ Христомъ. Это вещи, которыя не могутъ быть ничѣмъ и никогда оправданы, извинены, а только прощены, при условіи раскаянія. Самая возможность ихъ свидѣтельствуеть о глубокой деморализаціи, которая господствуетъ въ Россіи, вѣрующей и невѣрующей, а, съ другой стороны, обь утратѣ символическаго сознанія. Символь — знакъ, внѣшнее выраженіе вѣры, исповѣданіе ея перестаютъ казаться вещами важными. Лишь бы имѣть Бога въ душѣ. Но это презрѣніе къ символу таитъ большія догмати-

ческія опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ угрозу для единства и крѣпости церковнаго тѣла.

3.

Есть нѣсколько условій, которыя дѣлаютъ положеніе Церкви въ Россіи глубоко отличнымъ отъ христіанства римскихъ временъ и, если не оправдываютъ указанной выше терпимости, то объясняютъ совершенно иное отношеніе Церкви къ окружающему обществу и государству.

Прежде всего гоненіе на вѣру въ Россіи носить скрытый или наполовину скрытый характеръ. Людей никогда не убиваютъ и не ссылаютъ «за имя Христова», а чаще всего подъ прикрытіемъ мнимыхъ политическихъ преступленій. Но умереть за Христа и умереть за противодѣйствіе соціальной революціи — религіозно совершенно разныя вещи. И это политическое прикрытіе гонителей далеко не всегда оказывается мнимымъ. Никто не можетъ доказать, что для коммунистовъ истребленіе вѣры является болѣе важной цѣлью, чѣмъ истребленіе буржуазіи или укрѣпленіе своей власти. Вѣрнѣе обратное. Въ гоненіи на религію въ Россіи есть, безспорно какой-то процентъ чистаго, демоническаго богоборчества, но есть и доза (вѣроятно, болѣе крупная) политическаго страха передъ церковью, какъ соціальнымъ институтомъ, возможнымъ центромъ народнаго сопротивленія. Старыя политическія связи между церковью и государствомъ (монархическимъ), казалось, оправдали, особенно въ первые годы революціи, такія опасенія диктаторовъ. Отсюда новая задача для Церкви — для ея іерархическихъ вождей — разорвать эту связь церковныхъ и политическихъ идей, «очистить» религіозное исповѣдничество отъ всякой примѣси политической и національной борьбы.

Во вторыхъ, Церковь въ Россіи живетъ не среди чуждаго языческаго обще-

ства, въ чаяніи близкаго и послѣдняго раздѣленія Страшнаго Суда, но въ средѣ народа, исконно христіанскаго, судьбы котораго всегда были неразрывно связаны съ православіемъ. Русская церковь не можетъ сбросить съ себя ствѣтственности за русскій народъ. Среди ея гонителей, среди равнодушной массы, отходящей отъ вѣры отцовъ, большинство — ея крещенные блудные сыны, отъ которыхъ она не можетъ отвернуться. Вотъ почему педагогическія, миссіонерскія оглядки и соображенія въ значительной мѣрѣ опредѣляютъ поведеніе церковныхъ дѣятелей. Церковь въ Россіи — церковь меньшинства, но это меньшинство, по старой привычкѣ и по новой надеждѣ, сознаетъ себя народомъ, не противопоставляетъ себя народу, молится о спасеніи Россіи, а не одного лишь малаго стада.

Эти два коренныхъ условія и опредѣлили «новую церковную политику» почившаго патріарха. Послѣ перваго года борьбы съ большевиками, борьбы нерасчлененной, національно - религіозной, патріархъ выходитъ на новый путь. Онъ отказывается отъ борьбы съ революціонной властью и воспитываетъ церковь въ аполитическомъ исповѣдничествѣ. Понятны мотивы этой новой политики. Патріархъ желалъ отнять у враговъ всякій поводъ — и дѣйствительное основаніе — для политической борьбы съ церковью, для политической мести. Съ другой стороны, отказываясь отъ сопротивленія новому строю, патріархъ открывалъ широко двери Церкви для тѣхъ массъ, рабочихъ и ютчасти крестьянскихъ, которыя, ставъ на сторону революціи, увидѣли въ церкви классоваго врага. Какъ извѣстно, эта политика патріарха увѣнчалась двойнымъ успѣхомъ. Въ самый разгаръ обновленческаго раскола, она спасла церковную организацію отъ ударовъ власти, сохранила культъ и таинства для народа и начала медленный, но благословенный походъ

въ народъ, обратное завоеваніе Христу отпавшихъ своихъ дѣтей.

Въ основаніи этой политики лежалъ духовный опытъ, болѣе глубокой, нежели всякая политика, хотя бы церковная. — Внутреннее очищеніе Церкви въ огнѣ мученій совершалось путемъ аскетическаго надрыва всѣхъ узъ, связывавшихъ издревле православную Церковь съ государственной и національной жизнью. Отреченіе отъ традицій стараго строя, новый «аполитизмъ» Церкви не былъ вынужденнымъ требованіемъ тактики. Онъ вытекалъ изъ ощущенія новой и въ то же время самой древней религіозной правды. Патріархъ не лгалъ большевикамъ въ 1923 году, не лгалъ и въ своемъ завѣщаніи, когда проводилъ грань между прошлымъ и настоящимъ, когда каялся въ своемъ поведеніи первыхъ лѣтъ. Но аполитизмъ церкви не означалъ ея отрыва отъ народной жизни. Отказъ отъ теократическихъ отношеній къ государству не былъ отказомъ отъ борьбы за душу народа. Народъ — не нація, но разсѣянное стадо Христово, которое надлежало собрать, укрѣпить, спасти. Предстояло новое крещеніе Руси.

Въ этой обстановкѣ вождемъ русской церкви менѣе говорили уроки древней гонимой Церкви, чѣмъ, можетъ быть, національный опытъ монгольскаго ига, съ его тяжелой школой униженій, внѣшней покорности, но внутренняго очищенія, собиранія духовныхъ силъ. Путь Александра Невскаго становится символическимъ для русской церкви въ годы революціи. Говоря церковнымъ языкомъ, соображенія «икономіи»¹⁾ берутъ верхъ надъ «акривіе»²⁾, — по мірскому, но не совсѣмъ точно: компромиссъ — нать радикальной принципіальностью. — Этой

1) Икономія — церковное строительство, спасеніе душъ.

2) Акривіе — идеальная правильность, прямыя ученія и жизни.

икономіей, этимъ компромиссомъ определяются отнынѣ внѣшнія отношенія между церковью и коммунистическимъ государствомъ.

Таковъ былъ завѣтъ патріарха Тихона, таковъ былъ его путь, оправданный Церковью, народомъ и исторіей. Зачеркнуть его, пытаться вернуть церковь на путь политическихъ заговоровъ, сдѣлать изъ нея орудіе реставраціи — безумное и злое дѣло. Тѣ, кто стоятъ за него, — карловацкая іерархія за рубежомъ — не только внѣшне, но и внутренне отрѣзаютъ себя отъ русской церкви и ея испуительнаго мученическаго опыта.

И, однако, при всемъ благоговѣніи къ личности почившаго патріарха и признаніи его правды, можно указать одну слабую сторону его дѣла, въ которой лежатъ зародыши грядущихъ тяжелыхъ паденій. Та форма, въ которую патріархъ облекъ свои историческіе акты 1923 и 1925 года мучительно не соответствовала ихъ подлинному церковному значенію. Изложенные совѣтскимъ стилемъ, быть можетъ, продиктованные въ совѣтскихъ канцеляріяхъ акты эти съ внѣшней стороны были унижительны для церкви. Патріархъ не допускалъ въ нихъ никакой лжи, но между его мыслью и словомъ было, несомнѣнно, большое качественное несоответствіе. Церковное общество, которое сначала не хотѣло признавать подлинности этихъ актовъ, скоро привыкло къ нимъ, закрывало глаза на ихъ форму: прашало ее изъ глубокаго уваженія къ патріарху. Трудно судить теперь, насколько эта форма была неизбежна: удовлетворились ли бы враги заявленіями, облеченными въ болѣе достойныя, церковно оправданныя слова? Возможенъ вопросъ: не сказался ли здѣсь общій въ Россіи нашего времени недостатокъ чувства слова, символа, формы, о которомъ мы говорили выше? Слишкомъ легко относятся къ сказанному слову, еще легче къ напечатанному, къ совѣтскому, газет-

ному, которому привыкли не вѣрить. — Патриархъ, несомнѣнно, зналъ, что впечатлѣніе напечатанныхъ его словъ будетъ невелико, и эта малость общественнаго впечатлѣнія облегчала ему его тяжелый компромиссъ. Эта форма, или, вѣрнѣе, это отсутствіе формы было жертвой, было униженіемъ, и, если говорить церковно — точно, было грѣхомъ: малымъ грѣ-

хомъ, который патриархъ принялъ на свою святую совѣсть для спасенія своего народа. Грѣхъ этотъ прощенъ ему на землѣ. — вѣримъ, прощенъ и на небесахъ. Но свойство каждаго ничтожнаго грѣха, — оставлять за собой слѣдъ: быть источникомъ новыхъ искушеній, новыхъ соблазновъ. *(Продолженіе слѣдуетъ).*

Г. Федотовъ.

Церковная музыка въ Россіи

(Окончаніе)

VI

Твердыня Капеллы была подорвана П. И. Чайковскимъ или, вѣрнѣе, его издателемъ П. Юргенсономъ. Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія Юргенсонъ попросилъ Чайковскаго написать что-нибудь для церкви. Чайковскій написалъ Литургію ор. 41. Юргенсонъ ее напечаталъ, давши прещензурировать только текстъ. Директоръ Придворной Пѣвческой капеллы Н. Бахметьевъ, усмотрѣвъ нѣкоторые изъяны и найдя музыку несоотвѣтствующей для церковнаго исполненія, обратился къ суду съ требованіемъ конфискаціи этой Литургіи. Судъ рѣшилъ процессъ въ пользу Юргенсона. Этимъ монополія Капеллы на изданіе церковныхъ нотъ и надзоръ за церковной музыкою пали. Каждый музыкантъ могъ приложить свои силы и способности къ музыкѣ церковной, и каждый издатель могъ издавать церковныя ноты, не спрашивая разрѣшенія Капеллы. Векоръ затѣмъ (въ 1883 г.) и управленіе Капеллой перешло въ другія руки, въ руки творцовъ новой русской музыки — М. А. Балакирева и Н. А. Римскаго-Корсакова. Съ этого времени въ русской церковной музыкѣ образовалось нѣсколько различныхъ направленій; писалось достаточно и плохой и хорошей музыки. Горячимъ стремленіемъ передовыхъ русскихъ

людей попрежнему оставалось — создать многогласное церковное пѣніе, совершенно соотвѣтствующее духу старинныхъ русскихъ напѣвовъ. Къ этому шли со всѣхъ сторонъ. Ученые и музыканты — археологи занялись изученіемъ старинныхъ рукописей, расшифровали загадочные крюки и въ концѣ концовъ разгадали и поняли принципы построения русскихъ мелодій. Значительную роль въ этихъ изслѣдованіяхъ сыиграли протоіерей Д. В. Разумовскій, и проф. Московской консерваторіи и директоръ Московскаго Синодальнаго Училища Ст. Вас. Смоленскій, собравшій огромную бібліотеку старинныхъ русскихъ пѣвческихъ книгъ и другихъ матеріаловъ. Однако, настоящей способъ гармонизаціи старинныхъ напѣвовъ оставался неразрѣшенной задачей.

Эта задача была разрѣшена только въ 1885 г. однимъ изъ гигантовъ русской музыки — Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, первокласснымъ мастеромъ всѣхъ родовъ музыкальнаго творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающимся знатокомъ народнаго пѣнія и творцомъ музыки въ народномъ духѣ. Рѣшеніе заключалось въ томъ, что Римскій-Корсаковъ къ церковному пѣнію приложилъ тѣ же правила, какими руководствуется народъ въ своемъ пѣніи, а русскій народъ обрабатываетъ свои пѣсни способомъ, значитель-